

Книга «Нет мне ответа...» (Иркутск, изд-во Сапронова, 2009 г.), в которой собраны письма Виктора Астафьева с 1952 по 2001 годы, отправленные им не только литераторам, но и самым разным людям, - своеобразный эпистолярный дневник писателя, попала ко мне, в общем-то, случайно. А может быть, нет? Может быть, по какому-то знаку свыше была дарована мне возможность ещё раз встретиться со словом Астафьева?..

В издательской аннотации к книге, в частности, говорится, что в письмах «С предельной искренностью и откровенной прямоотой отразилась жизнь выдающегося мастера слова на протяжении пятидесяти лет: его радости и огорчения, победы и утраты, глубина духовного мира и секреты творческой лаборатории прозаика. В них страдающая мысль и горестные раздумья сына своего Отечества о судьбе его многострадальной Родины и её народа, великой частицей которого он был».

Листая книгу, я наткнулся на письмо Астафьева, датированное 28 мая 1974 года, в котором есть такие строки: «...Дал я согласие вести семинар на Иркутском совещании молодых писателей. Байкал охота посмотреть, и дело всё свелось к тому, что читал рукописи, правда, в большинстве своём любопытные и даже симпатичные...»

И вспомнилось...

Июнь 1974 года. Иркутск. Совещание-семинар молодых писателей Сибири и Дальнего Востока. После пленарного заседания перерыв на обед.

Столик, за которым расположилась наша малочисленная делегация Амурской области, напротив одного из столиков с руководителями семинара. Я знаю только одного – пышноволосого улыбающегося Евгения Носова из Курска: он руководитель семинара, в котором обсуждается и амурский прозаик Борис Машук, и накануне вечером мэтр заходил в наш гостиничный номер. Рядом с ним сидит невзрачный мужчина, по внешнему виду прямо-таки простой мужик, ну ни в коем разе не писатель. Когда он поворачивается в профиль, то заметно, один глаз то ли поранен, то ли вообще не видит. Одет мужчина тоже не ахти как: мятые штаны, клетчатая рубашонка. А, к примеру, руководитель нашего семинара поэт-фронтовик Марк Соболев в расписной рубахе-распашонке навывпуск, сразу видно – современный классик.

И всё-таки этот «не писатель» чем-то привлекает к себе: то ли растрепанной шевелюрой, то ли резкими жестами, когда говорит. Слов его не слышно, но видно, что собеседники ему внимают, а Евгений Носов время от времени улыбается, то открыто, то несколько скептически, видимо, принимая и

одобряя услышанное или же наоборот.

Я спрашиваю у Бориса Машука: «Кто это рядом с Носовым?» Тот отвечает кратко: «Виктор Астафьев», и я тут же вспоминаю, что несколько лет назад прочитал повесть этого автора «Звездапад», которая увлекла, поразила, запомнилась. Произведение, если можно так сказать, о молодости и любви, которые пришлись на войну, но удивительно светлое и печальное, как раз созвучное моему тогдашнему душевному состоянию. Я даже запомнил из него такие слова, что счастье не бывает горьким, горьким может быть только несчастье.

После обеда Машук и я подошли к Носову и Астафьеву. Евгений Иванович представил Виктору Петровичу Бориса как одного из своих талантливых семинаристов, и Астафьев крепко пожал нам руки. Был какой-то разговор, который не отложился в моей памяти, запомнилось только то, что Астафьев, общаясь, говорил краткими фразами, как бы выстреливал слова, образным и ярким языком, причём было понятно, что это его естественная речь, а не заранее отрепетированная.

Это была моя единственная встреча с Виктором Петровичем Астафьевым. Потом я читал всё, что выходило из-под его пера и что печаталось в журналах и книгах, восхищался «Царь – рыбой», задумывался над «Зрячим посохом» и «Затесями», проживал судьбы персонажей «Печального детектива», скорбел и негодовал над «Проклятыми и убитыми». Я не всегда разделял его взгляды и позиции, особенно в публицистике, не принимал его увлечение ругательным языком, в то же вре-

мя понимая: он – человек, прошедший простым солдатом Великую Отечественную войну и выживший в этом аду, имеет полное право говорить так, как считает нужным, главное, чтобы это было правдиво и честно.

Кстати, на том Иркутском совещании Виктор Петрович поддержал молодого хабаровского прозаика Вячеслава Сукачева, которого по его рекомендации приняли в Союз писателей СССР. Со Славой мы знакомы ещё с 1972 года и до сих пор порой пересекаемся, время от времени переписываемся. После смерти Астафьева он опубликовал в «Литературной России» статью о нём, и, читая её, я ещё раз вспоминал, пусть и, наверно, незаслуженное мной, но крепкое рукопожатие Виктора Петровича.

* * *

В книге «Нет мне ответа...» я не нашёл одного письма Астафьева. Его благодарно хранит жительница Белгорода, вдова заслуженного художника России Станислава Косенкова. Вот текст письма:

«12 декабря 1993 г. Красноярск.

Уважаемая Анна Константиновна!

Поэт Минаков прислал мне свои книги и тяжелое сообщение о том, что не стало Вашего замечательного мужа. И что это Господь забирает с русской земли самых талантливых, добрых и честных? Видно, ему самому нужны хорошие люди.

Я совсем недавно смотрел в журнале «Слово» иллюстрации Станислава и всем говорил, их показывая: «Вот в Белгороде какой замечательный, истинно русский художник живёт!» И думал, что если судьба ещё раз

закинет меня в Курск к другу нежному, Жене Носову, мы обязательно съездим в Белгород к дивному Косенкову-художнику... И вот... Остаётся только пожелать, чтобы земля была пухом Вашему мужу. Чтобы Господь, призвавший его на небеса, уготовил ему место в раю, а Вам утешения и светлой памяти.

Ваш Виктор Петрович (В. Астафьев)».

Это далеко не единственная «ниточка», которая связывала писателя-фронтовика с Белгородчиной. Так, в письме, датированном 29 марта 1965 года, адресованном писателю А. Борщаговскому, читаем: «Я в конце сентября буду в Москве, а затем поеду в Белгород на семинар...» В другом уже другому адресату: «...Дал согласие быть на семинаре в Белгороде в середине октября, и мне подвалили произведений...»

Итак, осенью 1965 года Виктор Петрович был одним из руководителей областного семинара-совещания белгородских литераторов. Его участник Борис Осыков, тогда молодой журналист и начинающий писатель, вспоминает, что Астафьева в то время ещё мало кто знал. Он приехал в Белгород с небольшой книгой прозы «Конь с розовой гривой», с которой, собственно, и началась его известность как прозаика. О произведениях молодых отзывался довольно резко и в то же время доброжелательно.

А вот что рассказала Мария Ильинична Баскова – вдова прозаика-фронтовика Леонида Малкина: «Витя Астафьев и Женя Носов были у нас в гостях. Из белгородцев, помню, в застолье участвовали Владимир Жуковский, Николай Грибанов, Игорь Чернухин. Витя рассказывал, что начал воевать

где-то неподалёку от Белгорода, он и Женя Носов вспоминали войну, много шутили, пикируясь друг с другом».

Подтверждение тому, что Астафьев воевал вблизи наших мест, есть и в книге, в письме Е. Носову, датированном 20 апреля 1995 года: «Впервые я попал на фронт в Тульскую область на границе с Орловской. Наступление наше началось почти серединой лета во фланге Курско-Белгородского выступа. Немец отвёл оставшиеся силы, оставив Курск и Белгород».

Оказавшись на Белгородчине, Астафьев, естественно, не мог не побывать в Прохоровке. Тем более что в 1965 году впервые в стране широко праздновался День Победы, и на месте великого и страшного сражения был установлен первый памятник – легендарный танк Т-34. В Белгородском государственном литературном музее хранится историческая фотография – Виктор Астафьев и Евгений Носов около этого памятника.

Да, к сожалению, тема «Виктор Астафьев и Белгородчина» никем не исследовалась, а ведь литературным краеведам и литературоведам могло открыться много интересного.

В той же книге «Нет мне ответа...», в письме от 2 ноября 1988 года читаем: «Есть такой поэт на Белгородчине Володя Михалёв. Пастухом работает, кучу детей вырастил...» Далее идут самые добрые слова о нашем земляке и его творчестве. Стихотворение Владимира Михалёва «Жаворонок» Виктор Астафьев включил в антологию одного стихотворения «Час России» (Москва, 1988 г., книгу он составил вместе с красноярским поэтом Романом Солнцевым), и оно стало известно всей стране.

Гнездо вверх дном,
Птенцы запаханы!..
Вспорхнул и канул в небосвод.
Надрывно охает и ахает,
А люди думают –
Поёт!..

В сборнике опубликованы стихотворения ещё нескольких белгородских авторов.

А вот строки из письма, датированного 1984 годом: «Я вспоминаю Костю Мамонтова, он жил в Перми, работал машинистом электровоза. В прошлом фронтовик – пехотинец, вдоволь нанюхавшийся пороху, испивший боли и крови, очень, очень аккуратным почерком, чисто писал стихи в блокнотики, однажды показал их в Пермском Союзе писателей. Стихи были одномерные, но тема войны, как стрела огненная, пронзила их... И когда зашла речь о приёме его в Союз писателей, мы и не колебались, единодушно Костю приняли в члены Союза такого, какой он есть. Вскоре он уехал из Перми в Белгород. Присылал мне отудова изредка письма, новые стихи и даже книжки».

Речь идёт о Константине Яковлевиче Мамонтове. Человек поистине героической военной судьбы, несколько раз раненный, он в 1943 году освобождал Белгород, а когда ушёл на пенсию, по рекомендации врачей переехал сюда жить из Перми. В Воронеже, в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве у него вышло несколько сборников стихотворений, он часто встречался с белгородскими любителями поэзии, а в конце жизни вернулся в родной город Кунгур на Урале, где умер в мае 2000 года.

Я уверен: если внимательно прочитать военные произведения

Виктора Астафьева, то наверняка и в них можно отыскать строки, навеянные Белгородчиной.

* * *

Значимость того, что сказал тот или иной писатель проверяется временем. Прошло уже немало лет, как Виктор Петрович покинул мир земной, а его произведения продолжают выходить, несмотря на то, что рыночная книготорговля диктует издательствам условия, при которых появление умных книг не поощряется. Но читателя не обманешь, спрос на книги Астафьева остаётся по-прежнему высоким. Почему? Да потому, что он честно выполнял сформулированный им же писательский завет, который я вычитал в его письмах: «Дар Божий – это и награда, и казнь. Пушкин это понимал и умом и сердцем, и не от пули, так от гнёта жизни всё равно погиб бы»; «Наказание талантом – это прежде всего взятие всякой боли на себя, десятикратное, а может, и миллионкратное (кто сочтёт, взвесит?) страдание за всех и вся. Талант возвышает, страдание очищает, но мир не терпит «высочек», люди стягивают витию с небес за крылья и норовят натянуть на пророка такую же, как у них, телогрейку в рабочем мазуте...»

И строки из его прощального письма: «Прощайте, люди! Умолкаю, слившийся с природой. Я слышу новое зачатие жизни; дыханье жаркое, шёпот влюблённых... И не хочу печалить их собою, дарю им яркий листик дерева моего. И мысль последнюю, и вздох, и тайную надежду, что зачатая ими жизнь найдёт мир краше, современной. И вспомнит, может быть,

да и помянет добрым словом, как
Кобзаря, лежащего на берегу Дне-
пра, меня над озарённым Енисе-
ем, и в зеркале его мой лик струёю

светлой отразится. И песнь, мною
не допетая, там зазвучит...»
Звучит ваша песнь, Виктор
Петрович! Звучит...